

ЭМИЛЬ ЧЁРАН

ЧЁРНЫЙ ДНЕВНИК (1957–1972)

Издание в четырех томах

Том II (1965–1967)

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 82-94
ББК 84-6
Ч45

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена каким-либо
способом без согласования с издателями.*

*Перевод с французского, предисловие, исследовательская часть
и комментарии к. ф. н. Р. С. Гранин*

Чёран, Э.
Ч45 Чёрный дневник (1957–1972). Издание в четырех томах. Том II (1965–1967). —
М.: Тотенбург, 2025. — 438 с.

Второй том настоящего издания «Черного дневника» Эмиля Чёрана (1911–1995) охватывает собой три года жизни мыслителя — с 1 января 1965 года по 31 декабря 1967 года. Во франкофонный мир Чёран триумфально ворвался своей первой же французской книгой «О разложении основ» (*Précis de décomposition*, 1949), мгновенно прославившись как блестящий стилист. Свой успех он развил и закрепил в последующих двух книгах: «Горькие силлогизмы» (1952) и «Искушение существованием» (1956). Однако в дневниках, которые мыслитель начал вести с 1957 года, видна оборотная сторона успеха. Чёрана тяготит необходимость писать по-французски; его стиль — это «смирительная рубашка»; он хотел бы писать так же легко, как думает, как это было в румынский период; но страх солецизма лишает его спонтанности и возможности новаторства в иностранном для него языке. Пик этих настроений приходится на 1960-е годы, время, которое как раз охватывает второй том «Черного дневника». Тогда же в творчестве мыслителя происходит поворот от стиля к его декомпозиции — разложению (идея, которая уже заложена в его первой франкофонной книге). Этот поворот прослеживается, начиная с «Истории и утопии» (1960) и в последующих работах: «Падение во время» (1964); «Злой Демиург» (1969) и других. Второй том «Черного дневника» содержит множество заготовок и черновых записей к этим работам.

**УДК 82-94
ББК 84-6**

© Р. С. Гранин,
перевод с французского,
предисловие, исследовательская часть,
комментарии

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Начало ведения «Чёрного дневника» (1957)
как фронтир между первым (1949–1956)
и вторым (1960–1987) французским периодом
Чёрана: между генезисом стиля и его декомпозицией ... 12

Эмиль Чёран ЧЁРНЫЙ ДНЕВНИК Том II (1965–1967)

1965	24
1 января 1965.....	24
4 января 1965	26
17 января 1965.....	29
21 февраля 1965	40
28 февраля 1965	42
2 марта 1965	43
10 марта 1965	46
22 марта 1965	53
25 марта 1965	54
30 марта 1965	57
1 апреля 1965.....	59
2 апреля 1965.....	59
3 апреля 1965.....	59
5 апреля 1965.....	61
6 апреля 1965.....	62
8 апреля 1965.....	62
10 апреля 1965.....	63
13 апреля 1965.....	63
22 апреля 1965.....	66
3 мая 1965.....	68
7 мая 1965.....	69
16 мая 1965.....	69
22 мая 1965.....	69

16 июня 1965.....	75
17 июня 1965.....	77
23 июня 1965.....	80
25 июня 1965.....	80
29 июня 1965.....	81
2 июля 1965.....	82
3 июля 1965.....	83
6 июля 1965.....	83
30 июля 1965.....	86
7 августа 1965.....	89
13 сентября 1965.....	89
16 сентября 1965.....	90
19 сентября 1965.....	92
26 сентября 1965.....	93
28 сентября 1965.....	94
1 октября 1965.....	95
6 октября 1965.....	96
8 октября 1965.....	97
11 октября 1965.....	98
14 октября 1965.....	99
22 октября 1965.....	101
23 октября 1965.....	101
27 октября 1965.....	103
14 ноября 1965.....	109
16 ноября 1965.....	110
17 ноября 1965.....	110
21 ноября 1965.....	111
22 ноября 1965.....	111
29 ноября 1965.....	114
3 декабря 1965.....	116
4 декабря 1965.....	116
6 декабря 1965.....	117
12 декабря 1965.....	120
14 декабря 1965.....	121
20 декабря 1965.....	123
25 декабря 1965.....	123
26 декабря 1965.....	123

28 декабря 1965.....	124
31 декабря 1965.....	125
1966.....	126
1 января 1966.....	126
2 января 1966.....	126
3 января 1966.....	127
5 января 1966.....	128
14 января 1966.....	134
15 января 1966.....	135
17 января 1966.....	136
21 января 1966.....	139
22 января 1966.....	141
25 января 1966.....	143
27 января 1966.....	144
30 января 1966.....	147
9 февраля 1966.....	149
11 февраля 1966.....	151
12 февраля 1966.....	152
18 февраля 1966.....	157
19 февраля 1966.....	157
20 февраля 1966.....	158
23 февраля 1966.....	162
27 февраля 1966.....	163
28 февраля 1966.....	163
14 марта 1966.....	167
18 марта 1966.....	168
12 апреля 1966.....	168
17 апреля 1966.....	169
24 апреля 1966.....	169
28 апреля 1966.....	171
30 апреля 1966.....	171
2 мая 1966.....	172
7 мая 1966.....	177
14 мая 1966.....	180
15 мая 1966.....	181
19 мая 1966.....	182
21 мая 1966.....	183

22 мая 1966.....	185
24 мая 1966.....	187
5 июня 1966.....	190
8 июня 1966.....	191
9 июня 1966.....	191
10 июня 1966.....	192
11 июня 1966.....	193
14 июня 1966.....	193
16 июня 1966.....	194
17 июня 1966.....	195
19 июня 1966.....	197
22 июня 1966.....	199
25 июня 1966.....	200
26 июня 1966.....	201
29 июня 1966.....	203
2 июля 1966.....	204
3 июля 1966.....	204
6 июля 1966.....	204
10 июля 1966.....	206
12 июля 1966.....	206
14 июля 1966.....	208
16 июля 1966.....	209
19 июля 1966.....	210
24 июля 1966.....	214
28 августа 1966	214
29 августа 1966	217
2 сентября 1966.....	221
3 сентября 1966.....	222
5 сентября 1966.....	224
10 сентября 1966.....	228
12 сентября 1966.....	230
14 сентября 1966.....	232
15 сентября 1966.....	235
16 сентября 1966.....	237
18 сентября 1966.....	240
19 сентября 1966.....	240
20 сентября 1966.....	241

21 сентября 1966.....	242
23 сентября 1966.....	245
24 сентября 1966.....	248
25 сентября 1966.....	250
29 сентября 1966.....	254
2 октября 1966.....	255
3 октября 1966.....	256
4 октября 1966.....	257
5 октября 1966.....	260
6 октября 1966.....	261
8 октября 1966.....	262
9 октября 1966.....	263
11 октября 1966.....	266
14 октября 1966.....	268
16 октября 1966.....	270
17 октября 1966.....	271
18 октября 1966.....	273
19 октября 1966.....	275
20 октября 1966.....	278
21 октября 1966.....	280
22 октября 1966.....	280
24 октября 1966.....	282
25 октября 1966.....	282
26 октября 1966.....	282
3 ноября 1966.....	284
5 ноября 1966.....	285
8 ноября 1966.....	287
11 ноября 1966.....	287
12 ноября 1966.....	288
16 ноября 1966.....	288
18 ноября 1966.....	289
19 ноября 1966.....	290
20 ноября 1966.....	291
23 ноября 1966.....	291
24 ноября 1966.....	292
25 ноября 1966.....	293
26 ноября 1966.....	293

27 ноября 1966	294
28 ноября 1966	294
29 ноября 1966	295
30 ноября 1966	296
3 декабря 1966.....	298
7 декабря 1966.....	299
8 декабря 1966.....	300
9 декабря 1966.....	300
11 декабря 1966.....	302
12 декабря 1966.....	302
13 декабря 1966.....	303
14 декабря 1966.....	304
15 декабря 1966.....	305
17 декабря 1966.....	306
19 декабря 1966.....	306
20 декабря 1966.....	307
22 декабря 1966.....	308
24 декабря 1966.....	309
25 декабря 1966.....	309
26 декабря 1966.....	310
29 декабря 1966.....	313
1967	315
2 января 1967	315
3 января 1967	315
5 января 1967	317
7 января 1967	318
9 января 1967	319
11 января 1967	322
13 января 1966	323
19 января 1967	326
20 января 1967	328
21 января 1967	330
23 января 1967	330
24 января 1967	331
28 января 1967	332
31 января 1967	332
3 февраля 1967	333

4 февраля 1967	334
6 февраля 1967	335
7–12 февраля 1967	335
13 февраля 1967	336
14 февраля 1967	338
16 февраля 1967	339
18 февраля 1967	339
23 февраля 1967	340
1 марта 1967	342
2 марта 1967	342
6 марта 1967	342
7 марта 1967	343
8 марта 1967	344
10 марта 1967	345
13 марта 1967	346
15 марта 1967	348
16 марта 1967	348
18 марта 1967	350
23 марта 1967	356
24 марта 1967	358
25 марта 1967	358
28 марта 1967	362
29 марта — 3 апреля 1967	365
5 апреля 1967	366
6 апреля 1967	367
8 апреля 1967	367
10 апреля 1967	368
17 апреля 1967	373
19 апреля 1967	375
20 апреля 1967	375
24 апреля 1967	379
25 апреля 1967	380
28 апреля 1967	380
1 мая 1967	380
3 мая 1967	382
4 мая 1967	383
5 мая 1967	384

6 мая 1967.....	385
10 мая 1967.....	387
12 мая 1967.....	387
15 мая 1967.....	389
16 мая 1967.....	389
18 мая 1967.....	391
20 мая 1967.....	392
22 мая 1967.....	393
24 мая 1967.....	393
29 мая 1967.....	394
2 июня 1967.....	395
5 июня 1967.....	395
6 июня 1967.....	396
8 июня 1967.....	396
9 июня 1967.....	396
13 июня 1967.....	397
3 июля 1967.....	399
7 июля 1967.....	400
11 июля 1967.....	401
12 июля 1967.....	401
13 июля 1967.....	402
17 июля 1967.....	402
18–28 июля 1967.....	403
29 июля 1967.....	403
30 июля 1967.....	403
19 августа 1967.....	404
25 августа 1967.....	405
28 августа 1967.....	405
17 сентября 1967.....	405
23 сентября 1967.....	406
28 сентября 1967.....	406
30 сентября 1967.....	406
1 октября 1967.....	407
3 октября 1967.....	408
4 октября 1967.....	409
10 октября 1967.....	410
11 октября 1967.....	410

12 октября 1967.....	411
16 октября 1967.....	412
17 октября 1967.....	413
18 октября 1967.....	413
19 октября 1967.....	414
20 октября 1967.....	414
24 октября 1967.....	415
26 октября 1967.....	415
27 октября 1967.....	416
30 октября 1967.....	416
1 ноября 1967.....	418
2 ноября 1967.....	418
6 ноября 1967.....	419
7 ноября 1967.....	419
11 ноября 1967.....	420
13 ноября 1967.....	420
24 ноября 1967.....	421
1 декабря 1967.....	421
3 декабря 1967.....	422
5 декабря 1967.....	423
7 декабря 1967.....	425
9 декабря 1967.....	426
14 декабря 1967.....	426
16 декабря 1967.....	428
17 декабря 1967.....	429
18 декабря 1967.....	430
24 декабря 1967.....	433
25 декабря 1967.....	434
27 декабря 1967.....	434
30 декабря 1967.....	434
31 декабря 1967.....	435

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало ведения «Черного дневника» (1957) как фронтир между первым (1949–1956) и вторым (1960–1987) французским периодом Чёрана: между генезисом стиля и его декомпозицией

«Вести дневник — значит приобрести привычки консьержа: замечать пустяки, останавливаться на них, придавать чрезмерное значение происшествиям, упускать главное, становиться писателем в худшем смысле этого слова».

«Что делает книгу интересной, так это количество страданий, содержащихся в ней. Не идеи, а муки автора захватывают наше внимание: его крики, молчание, тупики, изломы, предложения, отягощенные неразрешимостью».

«Вы должны писать и прежде всего публиковать только то, что ранит, то есть то, что запоминается. Книга должна будоражить, даже провоцировать раны. Она должна вызывать тревогу и огорчение, но прежде всего книга должна быть опасной».

«Я думаю о переводчиках, которые довольствуются иллюзией понимания. Автор не обязан быть строгим; переводчик обязан и даже несет ответственность за недостатки автора. Я ставлю хорошего переводчика выше хорошего писателя».

«Книга, которую перевели с вашего согласия, больше не ваша: это в первую очередь книга вашего переводчика, поскольку он наложил свой стиль. Поэтому следовало бы подписать ее вместе с ним и представить как совместное произведение».

Второй том настоящего издания «Черного дневника» Эмиля Чёрана (1911–1995) охватывает собой три года жизни мыслителя — с 1 января 1965 года по 31 декабря 1967 года. Свои дневники (фр. *Cahiers*: 1957–1972) философ начинает вести с 1957 года, в них появляется много рефлексии Чёрана о проблемах стиля, о поэтике французского языка. В своих размышлениях философ постепенно (еще неявно) начинает отходить от «мастера стиля», которым он был признан во Франции с периода написания своей первой книги на французском языке «О разложении основ» (фр. *Précis de décomposition*, 1949). С которой он блестяще ворвался во франкофонный мир и за которую в 1950 году получил премию Ривароля за лучшую руко-

пись иностранного автора на французском языке. После этого первого франкофонного произведения философ продолжит совершенствоваться во французской стилистике еще в двух книгах: «Горькие силлогизмы» (1952) и «Искушение существованием» (1956).

Но из дневниковых записей, начиная с 1957 года, и чем далее, тем больше видно, что философ считает себя достаточно освоившим литературный язык (хотя до конца жизни говорит на нем с акцентом), став в нем общепризнанным мастером, поэтому может позволить себе не следить за стилем, что позволяет ему совершать некоторые новации в новом для него языке, играть с ним, как настоящему носителю языка: «Меня останавливает от новаторства во французском языке то, что я хочу писать правильно. Эта щепетильность, доведенная до крайности, проистекает из того факта, что я начал "сочинять" на этом языке в возрасте тридцати семи лет. Это все равно как если бы я писал на мертвом языке, а мы знаем разницу между живым и мертвым языком, как утверждает Мейе, — в последнем не разрешается делать ошибки. (Одержимость ошибками лишает меня удовольствия писать по-французски. Это то, что я назвал "смирительной рубашкой", — ощущение, которое этот идиом [язык] до сих пор дает мне, — слишком жесткое, чтобы мне нравиться. Язык, в котором я не могу забыть себя, в котором я скован, напряжен, стеснен, язык, правила которого парализуют и преследуют меня, отнимают все мои средства. Пророк, раздавленный грамматикой.)» Он хочет писать так же легко и непринужденно, как писал на родном румынском, не думая, как писать, а только о том, что он пишет.

На основании дневниковых записей и анализа текстов до 1957 года и после («История и утопия», 1960) рядом французских исследователей предложено выделить в творчестве Чёрана два французских периода (помимо румынского периода с его «румынским семикнижием», 1934–1944): 1949–1956 и 1960–1987. Таким образом, начало ведения дневниковых записей можно считать тек-

стом-фронтиром между двумя французскими периодами творчества философа.

В 1957 году Чёрану 46 лет — возраст акме у древних греков и кризис среднего возраста — в современной западной цивилизации. Чёран в этом амбивалентен — перелом в его творчестве наследует черты и того, и другого.

Последняя его книга — «Исповедь и анафемы» (1987), после чего прогрессирующая болезнь Альцгеймера не дала мыслителю продолжать заниматься литературой. Но о началах этой книги он упоминает уже в дневниковой записи за 1967 год: «Я наблюдаю за собой последние несколько лет и замечаю у себя ухудшения памяти, жалкую неспособность сосредоточиться, явные признаки размягчения мозга. Эти артерии, как я их ненавижу!» (15.05.1967). А также: «Сегодня после обеда в банке, собираясь заполнить форму для получения чека, я не смог вспомнить номер своего счета. То есть я знал только последние цифры, но не первые. Мне пришлось уйти внезапно, что, наверное, поразило сотрудницу, которая выглядела озадаченной (я даже оглянулся, чтобы посмотреть на нее). Это симптомы той "тупости", на которую жаловался Бодлер? ("Сегодня я почувствовал себя тупым".) У меня большие сомнения по поводу будущего моего мозга» (16.10.1967).

В дневниках рефреном проходят, среди множества прочих, две темы (назовем их «о поэтике и поэтах»), которые живо интересовали Чёрана: проблема поэтики и вопросы стиля; и связанные с ними проблемы вырождения поэзии, разложения писательства, деградации критики, а также «дурной» философии. То есть все те вопросы разложения — декомпозиции, — которые философ обозначил еще в своей первой франкофонной программной книге «О разложении основ» и которые коснулись самого Чёрана. Приведем здесь подборку из ряда цитат, иллюстрирующих направление, в котором двигалась мысль философа в тот переломный, «фронтирный» этап его творчества.

О поэтике:

1. «Следует остерегаться стиля как чумы».

2. «Мне нравится, когда стиль обладает ясностью определенных ядов».

3. «Лучше иметь твердый, пустой стиль, чем мягкий и кишащий мыслями».

4. «Нужно писать для того, кто знает, что он умрет. ... Писать для гладиаторов...»

5. «С возрастом я все больше теряю вкус к парадоксам. Для меня важна истина, а не само выражение. От гениальности надо бежать как от чумы».

6. «Я не буду писать ничего, кроме фрагментов; моя мысль уже разбитая, я раздроблю ее. Это будет мой способ продвигаться вперед».

7. «Можно читать дневник писателя — это фрагменты, в которых есть жизнь. А вот что я все хуже воспринимаю — это афоризмы, мысли, оракульные формулы, которые значат все и ничего. Когда думаю, что сам такое писал, меня охватывает отвращение. Забудем!»

8. «Многословие — величайший интеллектуальный грех».

9. «Мы писатели, потому что не смогли быть ораторами... (Согласно моим теориям, заики должны быть гениями...))»

10. «Кайуа хорошо пишет, потому что заикается; я — потому что путаюсь. Я бы никогда не приложил столько усилий к стилю, если бы мог хорошо формулировать. Те, у кого легкая речь (ораторы или болтуны), обычно пишут плохо. Это трудность самовыражения, это препятствия, неудобства, с которыми сталкивается речь, говорение, которые заставляют нас взвешивать (и лелеять) слова, когда мы пишем. (Давайте вспомним пример Валери, этого заикающегося бормотуна)».

11. «Все, что я требую от писателя, — чтобы он писал грамотно. Хорошо или плохо написано произведение, для меня не имеет значения. Стиль, который так долго

был моей навязчивой идеей, больше не интересует меня: я верил в него с того момента, как "покаялся" Валери. Теперь мне нужна суть, «содержание», и мне все труднее и труднее придерживаться старого разделения на форму и содержание. Давайте отбросим эти ложные проблемы. Мы должны стараться, чтобы нас понимали, и это все. Оставаться понятным, если это возможно, — одновременно трудная и скромная цель. Давайте придерживаться ее. Остальное не имеет значения».

12. «Совершенно ошибочно приписывать мне или признавать во мне "стиль". У меня нет стиля, у меня есть, как заметил Сен-Жон Перс, "ритм". И этот ритм соответствует моей физиологии, моему существу, это мой органический каданс, мое истерическое чувство, которому удастся пробиться сквозь мои фразы. Но было бы ошибкой отождествлять эту способность проецировать свое внутреннее движение со "стилем" или каким-либо талантом. Нет, у меня нет ни таланта, ни стиля, у меня есть каденский тон, который возникает, в том числе, из-за моего почти постоянного состояния тревоги».

13. «Все лучшее, что у меня было, я растратил в разговорах, особенно в юности. Мои книги, как румынские, так и французские, — лишь жалкое подобие того, кем я был, и того, кем я стал. Я даже не помню тех неистовых монологов, которые я когда-то вел. Я тратил себя с щедростью, о которой теперь жалею; она износилась, от нее остались лишь обрывки».

14. «Моя борьба с французским языком — одна из самых тяжелых, какие только можно себе представить. Победа и поражение чередуются, но я не сдаюсь. Это единственная сфера моей деятельности, в которой я проявляю хоть какое-то упорство. Везде, где-то еще, я намеренно уступаю».

15. «Все, что я написал, — плод хандры. Но ведь я не всегда живу в тоске, значит, мои тексты дают лишь неполный образ того, кто я есть. Веселье я растрачивал в жизни, в разговорах; для книг его не осталось — я оста-

вил им весь свой яд. Я могу писать только под давлением черных настроений; они уменьшаются, как только я извлекаю из них формулу. В моем случае речь идет не о философии и не о литературе, а просто о терапии. Возможно, это приятно и полезно для меня, но не для читателя. А ведь речь идет именно о читателе!»

16. «Вчера в библиотеке Педагогического института я листал старый румынско- французский словарь Даме. Все румынские слова — необычайно мощные и поэтические, их французские эквиваленты — пустые, бессодержательные, условные, дидактические, — латынь в худшем смысле этого слова».

17. «Что плохо в том, как я пишу, так это пережитки философского стиля. А то, что делает мои книги несколько трудными для чтения, — это удаление промежуточных, поясняющих предложений, на первый взгляд лишних, но на самом деле необходимых, потому что они облегчают задачу читателя. Но поскольку я переписывал каждый из своих текстов по три-четыре раза, я упорно избавлялся от этих блуждающих, но полезных предложений. Возможно, публиковать следует только первый вариант, то есть тот, в котором вы объясняетесь».

18. «Я переворачиваю одни и те же вещи, я подавил некоторые навязчивые идеи, но не преодолел их. Нужно обладать настоящей страстью к нюансам, чтобы заметить разницу между текстами, которые я писал на румынском и французском языках на протяжении более чем тридцати лет. По сути, все, что я сделал, — это "вышивал" на одних и тех же темах, местами углубляя их. В этом я похож на всех тех писателей, которые не могут покинуть узкие рамки своих недугов».

19. «Остерегайтесь фрагмента: вам кажется, что вы вкладываете в него многое, но читатель не обязан восполнять недостаток вашего таланта или находить ваши провозглашенные умолчания значимыми. Я помню, как плохо были приняты мои "Силлогизмы горечи", — это было законно. Что за идея — собрать несколько максим и

дать им помпезное название! Все это можно прочесть за четверть часа. Наконец, мне захотелось сделать своего маленького Ларошфуко, и я был за это наказан. Искусство не питать иллюзий относительно себя сложно. Ему никогда не научишься, особенно когда думаешь, что научился (как это было в моем случае)».

20. «Я хотел бы сказать английскому критику, обвиняющему Марка Аврелия в том, что он был простым подражателем, произносившим одни банальности, что величие коронованного мудреца проистекает из его собственного тона, преобразующего трюизмы и придающего им патетическую ценность, более важную, чем оригинальная мысль или парадокс, эти трюизмы участвуют в молитве, разочарованной и слегка горькой, они не дают ей перерасти в уныние».

21. «Я не знаю ничего более невыносимого, чем непрерывная ирония, без изъяна, без повода, которая не оставляет вам времени на передышку, не говоря уже о размышлениях. Ирония, которая должна быть деликатной и спонтанной, стала грубой, то есть автоматической! Даже она обречена на вырождение, на следование общим правилам».

22. «Во все эти моменты пустоты, внутреннего небытия, бессердечной сухости я цепляюсь за язык, даже хуже: за грамматику».

23. «Неудобно читать о себе статью, даже если она положительная, особенно, если положительная. Ощущение аутопсии [вскрытия], очень четкое ощущение посмертности».

Про «суфлеров» поэтов, философов, писателей, критиков:

1. «Я ампутант всех слов».
2. «Все писатели ненавистны, потому что они писатели».
3. «Поэт, размышляющий о языке, доказывает, что поэзия покинула его».
4. «Если вы хотите думать, вам следует воздержаться от размышлений о философии».
5. «Кретинизация философии — новое явление во Франции. До сих пор привилегия этого явления принадлежала только Германии».
6. «При чтении стихотворения нужно стереть себя, а не занимать его место, что делают все французы, когда упорно читают стих. Эти тремоло, эти риторические обороты, этот треп, эти носовые интонации разрушают внутреннюю, незаметную музыку стихотворения каким-то вульгарным, обманчиво патетическим напором мелодии. Театр является причиной этой фальсификации, причиной покушения на сущность поэзии. Актерам, особенно актрисам, следует запретить произносить какие-либо стихи, во Франции, конечно. Женщины берут плачущий или визгливый голос, который звучит так, как будто их насилуют. Это всегда та потребность выставить себя на показ, играть; которая является национальной чертой и которая так губительна в выражении, в высказывании. Актер — враг стихотворения».
7. «Что меня больше всего поражает в современных критиках (литературных, искусствоведческих, философских и т. д.), так это настойчивость, стремление к методу и системе, которые позволяют им скрыть отсутствие таланта и получить прощение за безграничную скуку, исходящую от их произведений. Как только литератор маскируется под философа, мы можем быть уверены, что это

делается для того, чтобы замаскировать свои недостатки, отсутствие таланта, недостаток вдохновения. Идея или подобие идеи (для публики это одно и то же) — какая ширма! Чаще всего за ней ничего нет. Парад, танец идей, развернутый в критическом комментарии, — это едва скрываемое воровство. Вы берете материал за год, переворачиваете его, сравниваете и сопоставляете в каком-то балете, недостойном серьезного ума, и выставляете себя судьей, грабя при этом состояние несчастного, который произвел нечто непосредственное и живое».

8. «Все эти безжизненные, склеротичные, анализирующие — у них нет темперамента, они тонки и скучны: это трупы, переодетые в эстетов. У них нет души, есть метод. У всех есть только это. Как я ненавижу этих литераторов, как бесполезен их талант для меня!»

9. «Хайдеггер говорит о Гельдерлине так, как будто тот был досократиком. Применять одно и то же обращение к поэту и мыслителю кажется мне ересью. Есть области, которых философы не должны касаться. Расчленять стихотворение, как расчленяют систему, — это преступление против поэзии».

10. «Все эти профессора во главе с Хайдеггером, паразитирующие на Ницше и воображающие, что философствовать — значит говорить о философии, они напоминают мне тех поэтов, которые воображают, что задача стихотворения — воспевать стихи. Повсюду драма избытка сознания: это истощение талантов или исчерпание тем? Несомненно, и то и другое: недостаток вдохновения, который идет рука об руку с недостатком материала. Исчезновение наивности, слишком много жонглирования, мастерства в важных вещах. Акробат вытеснил художника, философ сам по себе — всего лишь суетливый педант».

11. «Любопытная вещь: поэты счастливы, когда мы высказываем философские соображения об их творчестве. Это им льстит, дает иллюзию какого-то продвижения. Как это жалко! Только искренний любитель поэзии страдает из-за этого святотатственного вмешательства фило-

софов в области, которая должна оставаться для них запретной, недоступной естественным образом. Нет ни одного философа (Ницше?), который написал бы хоть одно приемлемое стихотворение!»

12. «Несчастье из несчастий! Сегодня поэты пишут о поэзии, романисты о романе, критики о критике, философы о философии, мистики о мистике. То, что мы делаем, стало единственной целью делания; ремесло заменило реальное; процесс — опыт; повсюду недостаток оригинального, пережитого; рефлексия берет верх над всем; чувство больше никуда не годится, как будто ничего не осталось, чтобы почувствовать запах».

13. «Лучше больше не писать, чем написать книгу, похожую на все остальные. Избегайте повторений любой ценой. Играйте в свою собственную игру. Нет ничего хуже автоматизма, особенно в мыслях. Не поддавайтесь на легкое "нет"».

14. «Если мне уже некоторое время так трудно писать, то это потому, что я больше не воспринимаю насилие и провокацию всерьез; а ведь именно в них мой разум спокоен и функционирует без усилий. Самоограничение разрывает меня по швам. Мудрость — мое бедствие».

15. «Мой английский друг работает над автобиографией. Это бессмысленно. Разве любое произведение — это что-то другое? Объективный писатель — это тот, кто скрывает свое "я"; субъективный писатель — тот, кто его раскрывает. Но в конечном итоге они оба говорят только о себе. Писатель, который говорит о чем-то другом, кроме себя, совершает злоупотребление».

16. «Вчера вечером он был, скажем так, пьян. Он говорил, полунасмешливым, полусерьезным тоном, о своем "творчестве". Моя работа справа, моя работа слева. В глубине души все писатели находятся в одной и той же точке, которая является их гибелью. Они — пленники, одержимые рабы того, что они сделали, и они уже не возвращаются из этого состояния. Они не могут поверить в то, что сделали. "У меня есть работа", — повторяет ка-

ждый бесконечно. Но самый простой способ все испортить, упустить — это постоянно думать об этом. Нужно писать, чтобы что-то сказать, а не для того, чтобы создать произведение. Все деградирует, если делается с расчетом на книгу. Ничто не стоит больше, чем то, что предназначено для себя, что никому не адресовано».

17. «На днях мы говорили об успехе некоторых авторов у женщин. Молодая девушка, назвав имя Икс, удивилась, что кто-то может переспать с ним, даже если восхищается им. Она не могла представить себе физический акт с таким толстым, раздутым, переполненным мужчиной. Мне кажется, я нашел ответ. Писатель, который добился успеха, который знаменит, подобен победителю. А Икс таков: он выиграл битву, он разбил своих противников. Он победил и диктует свои условия. Это старый закон, к которому женщины бессознательно чувствительны. С их стороны это вопрос согласия на изнасилование. Когда защитники разбиты, город достается врагу: хотя женщины ненавидят его, в душе они восхищаются им. Он победил. Физически ужасный писатель вызывает такое же восхищение. Он тоже, по-своему, хозяин города».

18. «Ничто меня так не бесит, как философ или критик, который на каждой странице заявляет, что его метод "революционен", что то, что он говорит, важно, что это никогда не было сказано до него, и так далее, и тому подобное. Как будто читатель не способен сам это заметить!»

19. «То, что сейчас называется обновлением критики, — это принятие внешнего языка, чуждого литературе. Говорить не как писатели, а как философы, социологи и прочие. Вся нынешняя критика строится на основе либо Маркса, либо Фрейда, либо Хайдеггера, либо любой новой дисциплины, терминологию которой приняли».

20. «Из всех размышлений наименее полезными являются размышления о литературе. Критика — это самое бесплодное занятие; лучше быть лавочником, чем писать о других. Нужно прочесть книгу и сразу ее выбросить; не стоит о ней говорить, подводить итог или комментировать».

вать. Зачем взвешивать ее достоинства и недостатки? Если книга хороша, мы усваиваем ее как свою собственную субстанцию; если плоха — это потеря времени. Точка. Почему бесконечно размышлять о прочитанном?»

21. «Никогда не читать критиков: только самих авторов. Вся критика — разновидность школьного сочинения. Она педантична и претендует быть умнее, чем она есть. Я заметил, что почти все эти сухари, что пишут рецензии, насилуют свой ум, пытаясь создать впечатление, будто идеи у них рождаются без усилия, как бы случайно. Но как же все это натужно и претенциозно! Оставаться по ту сторону своих возможностей и талантов — это единственный способ сохранить хоть какую-то порядочность».

22. «Импрессионистская критика была единственной, которую можно было читать. Сейчас же кто угодно считает себя вправе выдвигать теории по поводу чего угодно. Это я и называл "кретинизацией через философию"».